

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
LITERARY STUDIES. RUSSIAN LITERATURE**

Научная статья
УДК 821.161.1.0

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.277-299>

**А.П. ЧЕХОВ «РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ»:
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ А.П.ЧЕХОВА В 1920–1950-Х ГГ.¹**

В.С. Зайцев

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
vik.zaytsev2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>*

Аннотация. Изучение библиографических указателей литературы об А.П. Чехове, выпущенных в 1920–1950-е гг., – неотъемлемая часть источниковедческой работы всех современных чеховедов, интересующихся данным периодом в истории отечественного литературоведения. Вспомогательный потенциал этих материалов высок. Однако взгляд на списки литературы, как на самоценный и во многом показательный источник, позволяет рассматривать эти списки как важный фактор формирования литературной репутации А.П. Чехова в послереволюционный период. С одной стороны, библиографии являлись следствием чеховедческой работы, проделанной советскими литературоведами и критиками: сюда относятся методологические поиски, отбор книг и статей, соответствующих марксистской эстетической парадигме и т.п. С другой стороны, для массового читателя, на которого ориентировалось большинство рекомендательных библиографий, знакомство с творчеством и биографией А.П. Чехова начиналось именно с рекомендаций, какие именно статьи и монографии достойны внимания, а какие следует воспринимать критически, как примеры «буржуазной», «либеральной» и прочих критик. По мере развития советского чеховедения списки трансформировались. Как следствие, менялся и образ А.П. Чехова в глазах читателей, которые данными списками руководствовались. Перипетиям, логике и результатам этих литературно-репутационных трансформаций посвящена данная статья.

Ключевые слова: А.П. Чехов; литературная репутация; библиографические указатели; советское чеховедение

Для цитирования: Зайцев В.С. А.П. Чехов «рекомендательный»: библиографические списки как фактор формирования литературной репутации А.П. Чехова в 1920–1950-х гг. *Казанский лингвистический журнал.* 2022;5(3): 277–299. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.277-299>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.277-299>

**“RECOMMENDATORY” A.P. CHEKHOV: BIBLIOGRAPHICAL INDEXES
AS A FACTOR OF THE FORMATION OF A.P. CHEKHOV’S LITERARY
REPUTATION IN THE 1920–1950s**

V.S. Zaitsev

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
vik.zaytsev2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>*

Abstract. The study of bibliographic indexes of literature about A.P. Chekhov, published in the 1920–1950s, are an integral part of the source studies of all modern Chekhovian scholars who

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00978, <https://rscf.ru/project/22-28-00978/>, СПбГУ.

The study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00978, <https://rscf.ru/project/22-28-00978/>, Saint Petersburg State University.

are interested in this period in the history of Russian literary criticism. The auxiliary potential of these sources is high. However, a view on the lists of references as a valuable and in many ways indicative source allows us to regard these indexes as an important factor in the formation of the literary reputation of A.P. Chekhov in the post-revolutionary period. On the one hand, bibliographies were a consequence of the work of Chekhovian studies carried out by Soviet literary scholars and critics: this included methodological searches, the selection of books and articles that corresponded to the Marxist aesthetic paradigm etc. On the other hand, most recommendatory bibliographies were oriented towards the mass reader, and for them, acquaintance with the work and biography of A.P. Chekhov began precisely with recommendations on which articles and monographs are worthy of attention, and which should be taken critically, as examples of "bourgeois", "liberal" and other views. As Soviet Chekhovian studies developed, the lists were transformed, and as a result, the image of A.P. Chekhov transformed in the eyes of readers who were guided by these lists. This article is devoted to the peripeteias, logic and results of these literary and reputational transformations.

Keywords: A.P. Chekhov; literary reputation; bibliographical indexes; Soviet Chekhovian studies

For citation: Zaitsev V.S. "Recommendatory" A.P. Chekhov: Bibliographical Indexes as a Factor of the Formation of A.P. Chekhov's Literary Reputation in the 1920–1950s. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3): 277–299. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.277-299>

Идеологические поиски и связанные с ними методологические колебания советских чеховедов 1920-1950-х гг. находили отражение в разнообразных материалах: в первую очередь, естественно, в книгах и статьях; анкетах, приуроченных к юбилейным чеховским торжествам; на обсуждениях различных монографий (стенограммы обсуждений для печати не предназначались); в личной переписке. Результаты этих частью публичных, частью частных сражений за марксистски выверенного А.П. Чехова шли в массы. А советовать читателям те или иные источники или, наоборот, оберегать читателей от некоторых книг и статей должны были библиографические указатели. Таким образом, списки рекомендованной литературы, либо завершавшие ту или иную монографию, либо выпускавшиеся отдельными изданиями, представляют собой любопытный пласт, в котором преломились все большие и малые тектонические сдвиги генеральных линий поисков «советского» А.П. Чехова. Постараемся в данной статье взглянуть на эти библиографии не с источниковедческой, а с литературоведческой точки зрения: с одной стороны, как на полноценную часть историко-литературного процесса 1920–1950-х гг., с другой – как на важный фактор,

участвовавший в формировании чеховской литературной репутации среди читающих масс.

Специалисты-чеховеды, публиковавшиеся в 1920-1950-е гг., вне зависимости от частных исследовательских симпатий и антипатий, были знакомы с большим массивом источников о жизни и творчестве А.П. Чехова: однако не обо всех этих источниках можно было писать открыто в те или иные периоды. Например, в 1929 г. в монографии «Творческий портрет Чехова» А.Б. Дерман, интерпретируя в материалистическом ключе рассказ «Студент», полемизировал с религиозными трактовками С.Н. Булгакова и М.М. Степанова [1, с. 320]. Готовя в 1944 г. вторую (не вышедшую из печати) редакцию монографии, А.Б. Дерман имен уже не упоминал, ограничившись замечанием о том, что «нашлись истолкователи, приписавшие автору религиозную тенденцию»². Иными словами, если читатель издания 1929 г. мог при желании свериться с концепциями С.Н. Булгакова [2] и М.М. Степанова [3] по указанным А.Б. Дерманом первоисточникам, то вариант 1944 г. такую самостоятельную читательскую источниковедческую работу не предполагал. Подобных примеров можно привести много, но ограничимся данным. Массовый читатель, пусть даже и высокообразованный, но не связанный профессионально с филологией или литературной критикой, не имел времени на чтение всего наработанного до и после революции массива источников. Нить Ариадны в этой ситуации дарили библиографические указатели: они не только перечисляли те или иные книги, статьи и заметки, но также зачастую предлагали краткие аннотации к этим работам хвалебного или критического характера. Таким образом, кругозор интересовавшихся А.П. Чеховым читателей, а зачастую и оценку источников (аннотации способны детерминировать предварительное представление о монографии или статье) предопределяли в первую очередь списки рекомендованной литературы. Изучив, как менялись эти списки, какие авторы в них входили, какие авторы из них выбывали, можно получить представление о том, как менял-

² ОР РГБ. Ф. 356 (Дерман, Абрам Борисович). К. 4. Л. 310.

ся и чеховский образ, какие трансформации переживал «рекомендательный А.П. Чехов» и насколько адекватное представление могли сформировать библиографии у гипотетического «собирающего» читателя, который пользовался в том или ином объеме данными библиографиями. Проследим за этими метаморфозами.

Внимательно проанализировав содержание чеховедческих указателей, можно разделить их на два вида: полные научные и выборочные, рассчитанные на массового читателя. Полные стремились к учету всей обнаруженной об А.П. Чехове литературы, однако библиографий для широких читательских кругов выпускалось намного больше, т.е. в «количественном» плане научные библиографические списки уступали «массовым». Полноценных научных библиографических указателей после Октябрьской революции и до конца 1950-х гг. чеховиана насчитывает два: составленные И.Ф. Масановым [4] (охват – с первых критических публикаций до юбилейного 1929 г.) и, с оговорками, Ю.В. Соболевым [5, с. 303-339] (охват – с 1917 г. по 1929 г., литература с 1904 г. по 1917 г. представлена выборочными рекомендациями, в разделе юбилейного 1929 г. не учитываются провинциальные издания).

Оба исследователя начали работать на ниве чеховедческой библиографии до Октября, но если после 1917 г. И.Ф. Масанов отметил только монументальной «Чеховианой», то Ю.В. Соболев опубликовал первый пореволюционный указатель источников в 1923 г.: это была «Чеховиана за 1917–1922 гг.», и включала она в основном сведения об изданиях чеховских сочинений и писем. Объяснения этому Ю.В. Соболев давал в статье: во-первых, «за пятилетие спала волна воспоминаний о Чехове», во-вторых – и критическая литература об А.П. Чехове за этот период была «не велика» (Ю.В. Соболев в этом разделе разбирает считаное количество источников) [6, с. 99, с. 101]. Все это было только черновыми заметками и первым подступом к библиографии, опубликованной в 1930 г. Библиографию эту, кстати, критиковал И.Ф. Масанов. Последний писал А.Б. Дерману 12 июля 1929 г.: «Сегодня прочел Вашу вводную ста-

тью к «Чеховиане» и глубоко благодарю Вас, дорогой Абрам Борисович, за Ваш теплый отзыв о моей бескорыстной библиографической работе по любимому (я бы сказал не русскому, а мировому) писателю. Буду очень счастлив, если книга эта принесет пользу всем тем, кто любит Чехова и интересуется его творчеством, о котором так много было написано людьми самых разных не только литературных, но и политических мнений и убеждений. Меня очень смущало то обстоятельство, что к юбилею Чехова выходит два библиографических указателя, мой и Соболева, но сегодня случай мне привел видеть корректуру соболевского указателя и я должен сказать откровенно, что знаток Чехова, конечно, он хороший, но как библиограф – довольно плох! Говорит во мне, конечно, не чувство зависти, а чувство справедливости»³. Указатель же И.Ф. Масанова «Чеховиана» на долгие годы стал наиболее полным источниковедческим маяком как для профессиональных чеховедов, так и для любителей.

Важно отметить, что библиографии И.Ф. Масанова и Ю.В. Соболева, хронологически ограниченные юбилейным 1929 годом, сегодня уже не могут быть полноценным подспорьем в исследовательской работе. Ю.В. Соболев в предисловии оговаривается, что не имел возможности по техническим условиям составить указатель «исчерпывающей полноты», а библиографию 1929 г. ограничил учетом московских и ленинградских изданий [5, с. 305–306]. Однако и указатель И.Ф. Масанова при всей своей фундаментальности не избежал недостатков и ошибок. Например, статья Е.Э. Лейтнекера «А.П. Чехов. (К 20-летию со дня смерти)» имеет следующие выходные данные: Красная Карелия. 1923. 14 июля [4, с. 36], между тем как данный текст был напечатан в следующем году в номере от 19 июля [7] и т.п.

Рассчитанные в целом на широкие круги читателей, интересующихся биографией и творчеством А.П. Чехова, масановский и соболевский указатели помогали в работе все же в первую очередь именно специалистам. Для более широких масс печатались адаптированные, сокращенные версии списков чехо-

³ ОР РГБ. Ф. 356 (Дерман, Абрам Борисович). К. 3. Ед. хр. 2. Л. 5–5 об.

ведческих источников. Нередко публикациями таких кратких указателей сопровождалась юбилейные номера периодических изданий.

В частности, любопытны «юбилейные» списки рекомендованной литературы, появлявшиеся на страницах газет и журналов в 1929 г., когда в СССР широко отмечалось 25-летие со дня смерти А.П. Чехова. Так, «Красная газета» советовала прочесть мемуары М. Горького, В.Г. Короленко, С.Я. Елпатьевского и А.Ф. Кони. В качестве марксистских источников рекомендовались статьи и книги Л.И. Войтоловского, В.В. Воровского, А.В. Луначарского, М.С. Ольминского, М.П. Неведомского и Е.А. Соловьева-Андреевича. Из критиков не марксистов упоминания заслужили только «Этюды о творчестве Чехова» Д.Н. Овсяннико-Куликовского из пятого тома собрания его сочинений, переизданного и после революции [8, с. 92–140], с наиболее комплиментарной аннотацией среди всех перечисленных в заметке авторов: «По глубине социально-психологического своего анализа это лучшее, что написано о Чехове. Овсяннико-Куликовский первый опроверг толки о пессимизме Чехова, показав его глубокую жизнерадостность, общественный оптимизм, наукообразность мышления и присущий ему реализм» [9, с. 6].

«Ленинградская правда» [10] помимо сочинений и писем А.П. Чехова из биографической и мемуарной литературы рекомендовала прочесть работу А.А. Измайлова «Чехов. 1860–1904. Биографический набросок» [11] и мемуарно-эпистолярную подборку В.Л. Львова-Рогачевского [12], а в категории «История литературы. Критика» советовала «Критические этюды» А.В. Луначарского, ошибочно озаглавив книгу «Критические очерки» [13], а также «Проблемы драматургического анализа» С.Д. Балухатого [14] и «Антон Чехов и его сюжеты» М.П. Чехова [15]. Последнюю работу следовало бы, безусловно, отнести к мемуаристике, но список и без этого производит впечатление рандомного отбора. Если «Красная газета» четко дифференцировала источники на мемуарные, марксистские и немарксистские и в каждой категории предложила, возможно, и не лучшее из написанного и известного на тот момент, но, как мини-

мум, достойное ознакомления и вполне доступное массовому читателю, то отбор «Ленинградской правды» сложно назвать «таргетированным»: рядом с популярной брошюрой воспоминаний М.П. Чехова соседствуют рассчитанные на более образованного читателя очерки А.В. Луначарского и не адресованная массам, строго научная работа С.Д. Балухатого. На этом фоне выделялась даже не подборка, но статья В.Ф. Боцяновского «Литература об А.П. Чехове», напечатанная в «Красной панораме». Посетовав на то, что «мы... до сих пор не имеем настоящего, хорошего во весь рост литературного портрета писателя», В.Ф. Боцяновский отметил, что «для такого портрета уже много сделано и продолжает делаться» [16, с. 20]. Дальнейшее изложение – очень общий разбор, зачастую критический, сделанного в чеховедении предреволюционной и постреволюционной эпохи. В заслугу последней В.Ф. Боцяновский ставит поиск написанных А.П. Чеховым текстов, публикацию неизданных писем, исследования С.Д. Балухатого, А.С. Долинина, Ю.В. Соболева, Н.К. Пиксанова, М.С. Григорьева, а также выпуск собрания сочинений писателя (1929 г.) с вводной статьей В.М. Фриче, которая дает «первую социально-творческую биографию писателя» [16, с. 21]. Из дооктябрьского наследия упоминается биографическая работа А.А. Измайлова, которая «теперь могла бы быть сильно дополнена и радикально переработана во многих своих частях» [16, с. 20]. Столь критическое отношение к измайловской книге было, видимо, продиктовано ощущениями близости создания полноценной советской чеховской биографии, однако запас прочности «биографического наброска» А.А. Измайлова оказался выше, чем это могло представляться в 1929 г., И, например, в библиографии 1940 г. книга А.А. Измайлова была проаннотирована так: «Наиболее обширная из дореволюционных биографических работ о Чехове. Частично устарела, однако в целом остается ценным источником для изучения жизни и творчества Чехова» [17, с. 17]. В библиографическом указателе 1945 г., составленном под редакцией Н.Л. Бродского, находим очень схожее описание измайловского труда (вероятно, опиравшееся непосредственно на предыдущий указатель): «Наиболее по-

дробная из биографий Чехова, написанная на основании документов и воспоминаний. В отдельных частях устарела. Все же является ценной для изучения жизни и творчества писателя» [18, с. 25]. Для сравнения: «критико-биографический очерк» А.Б. Дермана [19] в этом же указателе не аннотирован, а работа Ю.В. Соболева, написанная для серии «ЖЗЛ» [20] охарактеризована просто как «популярный очерк жизни и деятельности А.П. Чехова» [18, с. 26]. Иными словами, книги об А.П. Чехове 1934 г. и 1939 г. выпуска, созданные как попытка дать соответствующий веяниям эпохи общественно-политический портрет писателя, удостоились гораздо более скромных похвал, чем очерк 1916 г.

Менее чем за десятилетие указатели для широких читательских масс симптоматично трансформировались. Например, если в 1929 г. (и вообще в конце 1920-х гг.) условная рубрика «марксистское чеховедение» еще только начинала формироваться, была нерегулярной от указателя к указателю и разнообразной в плане подбора конкретных авторов, к концу 1930-х гг. сложилась более определенная картина.

Например, в чеховедческой библиографии, опубликованной в 1937 г. на страницах журнала «Литература в школе», четверть от общего объема статьи занимали аннотированные указатели «Образы Чехова в произведениях В.И. Ленина» и «Образы Чехова в произведениях И.В. Сталина»: в исполнении В.И. Ленина приводятся примеры использования образов человека в футляре, душечки и рассуждений о впадении Волги в Каспийское море («Учитель словесности») как пародирования сущностных черт меньшевистской литературы; И.В. Сталин представлен использованием образа Беликова для критики «правой оппозиции» [21, с. 94]. Впрочем, не взирая на аспекты идеологического характера, этот список рекомендуемой литературы можно назвать вполне «рабочим»: он предлагал читателю относительно широкий спектр источников по жизни и различным аспектам творчества А.П. Чехова. Рекомендовал помимо сочинений и писем ознакомиться со сборником избранных произведений А.П. Чехова, из-

данного в 1935 г. под редакцией А.И. Роскина, отдельно обращая внимание на чеховскую биографию, составленную А.И. Роскиным в качестве предисловия к однотомнику [22], которая выгодно отличалась «от обычных протокольных жизнеописаний» [21, с. 93]. Биографические источники были представлены в этой подборке как книгой А.А. Измайлова, так и новейшими на тот момент очерком П.С. Когана [23] и первой чеховской биографией из серии «ЖЗЛ», написанной Ю.В. Соболевым. При знакомстве с творчеством А.П. Чехова внимание уделялось (помимо ленинско-сталинского списка трудов) в основном публицистическим статьям и исследованиям драматургии: здесь фигурировал и вызвавший много споров фельетон М.Е. Кольцова 1928 г. «Чехов без грима» [24], и статья С.Д. Балухатого о записных книжках писателя [25], и его же монография «Чехов-драматург» [26] («Проблемы драматургического анализа» уже не рекомендовали как, с одной стороны, сложные для восприятия массового читателя, с другой – несущие очевидное влияние формальной школы, которая к 1937 г. была далеко не в фаворе), и статья В. Гофмана «Язык Чехова-драматурга» [27] и т.д. Любопытно, что книга К.С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» также фигурировала в разделе «Творчество», а не «Биография», куда логичнее было бы включить мемуарный по своему характеру труд. Характерные уточнения формулировок связаны с «Этюдами о творчестве Чехова» Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Если «Красная газета», напомним, аттестовала их в 1929 г. как лучшее из написанного об А.П. Чехове, то «Литература в школе» была гораздо более сдержанна в похвалах: «При учете буржуазно-идеалистических основ методологии автора, читатель найдет в его работе немало полезных замечаний, верно характеризующих сущность чеховского творчества» [21, с. 95]. Такого рода аннотации стали распространены в указателях 1950-х гг., чего мы коснемся ниже.

Важным фактором в рекомендации той или иной книги или статьи со второй половины 1920-х годов становится фактор литературоведческой репутации. Многие авторы, иными составителями библиографий котировавшиеся как

марксистские, постепенно по тем или иным причинам утрачивали этот статус. Тенденции к пересмотру уровня соответствия марксистской эстетической парадигме методологических установок каждого литературоведа начали ощущаться уже в конце 1920-х гг. Парадигма, следует отметить, формировалась долго и постоянно корректировалась: от казавшейся безальтернативной доктрины «плехановской ортодоксии в искусстве» (безальтернативной ввиду того что, крупные работы посвящены проблемам эстетики) из «полноценных» классиков марксистской литературы оставил только Г.В. Плеханов, а эстетические фрагменты в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина долгое время котиrowались, как малочисленные и не поддающиеся полноценной систематизации и анализу, – к признанному успешным опыту такой систематизации, выполненному в течение 1930-х гг. М.А. Лифшицем в сборниках «Маркс и Энгельс об искусстве» [28] и «В.И. Ленин об искусстве» [29]. Трудности создания советского литературоведения и порождали репутационные пертурбации. Неслучайно, например, В.Л. Львов-Рогачевский завершал предисловие к одному из переизданий своей «Новейшей русской литературы» такими идейными самооправданиями: «В последнее время некоторые из новых марксистов поднимают вопрос о моем марксизме. Должен им заметить, что в первой половине девяностых годов марксизм периода “Нового Слова” и “Начала” являлся для меня как мировоззрение, определяющее, что делать и во имя чего жить. Прежде, чем появились мои первые книги, в которых я выступал как писатель, я привлекался в 1897, 1900, 1903, 1905 гг. как революционный работник, активный марксист. Мои первые журнальные статьи, писаны в тюрьмах. Мои первые книги: “Борьба за жизнь” (1906), “Вересаев и 90-е годы” (1906), “Снова накануне” (1913), “Поэзия новой России” (1919) явились этапами в моей работе. Перерабатывал я их и дополнял в постоянном живом общении с молодежью, пришедшей из новых социальных слоев, выдвинутых революцией» [30]. Впрочем, повлиять на смену литературоведческих репутаций такие оправдания не могли. Поэтому работы В.Л. Львова-Рогачевского (а также Л.Н. Войтоловского,

М.П. Неведомского, В.М. Фриче и многих других) в конце 1920-х гг. входившие в списки марксистской литературы по чеховскому творчеству [31], постепенно теряли позиции, причем безотносительно к удельному весу наработанного в литературоведении и критике авторитета. Так, В.М. Фриче – безусловный классик марксистской социологии искусства при жизни (умер в 1929 г.) – в середине 1930-х гг. котиrowался как вульгарный социолог, а к 1940 г. достаивался в печати таких аттестаций: «[В.М. Фриче] еще совсем недавно, в 1930 г., <...> позволил себе написать, что Чехов был просто импрессионистом и не мог подняться (конечно!!) до романа, и что повесть его “Три года”, как известно, слабая вещь. (Как известно, это вещь гениальная). Но не будем вытаскивать из книжной пыли всю эту затхлую псевдонаучную болтовню, от которой просто тошнит, когда ее вспоминаешь» [32]. Десять лет спустя и В.Л. Львов-Рогачевский, и Л.Н. Войтоловский, и многие другие были объявлены «кадетами-меньшевиками» [33, с. 167–168], а к середине 1950-х гг. в работе Б.И. Александрова «Семинарий по Чехову» (к которой мы еще вернемся) котиrowались в качестве критиков, не имеющих с марксизмом никаких точек соприкосновения [34, с. 74-75].

Подводя первый промежуточный итог, отметим, что чеховед-любитель 1920-1930-х гг., вооружившись библиографическими рекомендациями этого периода, мог получить представление как об отдельных чеховедческих завоеваниях дореволюционного периода (пусть и ограниченных в основном биографической книгой А.А. Измайлова, статьями Д.Н. Овсяннико-Куликовского и статьями некоторых литературоведов-марксистов, многие из которых к концу 1930-х гг. были из марксистов разжалованы), так и о набравшей объема постоктябрьской науке об А.П. Чехове. Таким образом, и А.П. Чехов перед глазами читателя этих рекомендуемых источников представал «разным» или «вариативным»: либо во многом типичным представителем своего времени, не тождественным, впрочем, всем своим героям или предпочитаемым темам, как в трактовках А.А. Измайлова («Он был того поколения, которое на всякий энтузиазм отвеча-

ло улыбкой. В этом смысле он был как бы испорченный человек» [11, с. 580]) или Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Либо все тем же типичным представителем «эпохи восьмидесятых годов» – в интерпретации П.С. Когана, представителем, который все-таки все «немногое, что было действенным в его эпохе... воспринял целиком», а в творчестве своем выразил своего рода систему «отсутствий»: интереса к внешнему миру, к общественным отношениям, к активной борьбе» [23, с. 98–99]. Либо, наконец, более революционизированный вариант Ю.В. Соболева, внутренне, правда, очень противоречивый: А.П. Чехов как идеолог «радикальной буржуазии», уверенный, что революции в России никогда не будет [20, с. 308], и в то же время заражающий читателя ненавистью к пошлости, мещанству и «чеховщине» [20, с. 312]. Нетрудно увидеть, что рекомендованные в рамках одного списка и усвоенные подряд работы А.А. Измайлова, П.С. Когана и Ю.В. Соболева могли породить в представлениях об А.П. Чехове нездоровое многоголосие. Именно поэтому начиная с 1940-х гг., когда методология изучения чеховского творчества и общих его оценок претерпела изменения: списки рекомендуемой литературы также вступили в новый период корректировок, и перед читателями, бравшими на вооружение отредактированные рекомендации, представал «отредактированный» и менее «эклектичный» А.П. Чехов.

Обращаясь к 1940-м гг. необходимо в первую очередь отметить знаковый для истории советского чеховедения год – 1946 г. В этом году появилось первое издание книги В.В. Ермилова «Чехов» [35], которая быстро и надолго стала образцовой чеховской биографией и составила, наряду с монографией В.В. Ермилова «Драматургия Чехова», выпущенной в 1948 г. [36], своего рода советский чеховедческий канон, обосновавшийся почти во всех позднейших рекомендательных списках литературы (монография переиздавалась в 1949, 1951, 1953 и 1954 гг.). Например, в составленной к 50-летию со дня смерти писателя брошюре Е.М. Сахаровой «А.П. Чехов. 1860–1904. Памятка читателю и материалы в помощь библиотекарю», обе книги В.В. Ермилова характеризуются как «отражающие точку зрения современного советского чеховедения, представляют

собой наиболее полное исследование о жизни и творчестве А.П. Чехова» [37, с. 61]. В указателе Э.А. Полоцкой подробная аннотация на дополненное издание книги В.В. Ермилова 1954 г. написана в более информативном ключе, без каких бы то ни было эпитетов, но завершается указанием на присуждение В.В. Ермилову за книги «Чехов» и «Драматургия Чехова» Сталинской премии второй степени [38, с. 51]. Чуть более взвешенно и с долей критики оценивал работу В.В. Ермилова Б.И. Александров в источниковедческом обзоре своего «Семинария по Чехову»: «Большое положительное значение книги» сводилось к тому, что «это был первый опыт развернутой и целостной характеристики жизни и творчества А.П. Чехова как великого народного писателя, полностью свободный от всех пережитков старых, ложных взглядов на него» [34, с. 86]. При этом о первом издании биографии 1946 г. сказано, что книга «несколько идеализировала облик писателя... и тем самым несколько затушевывала принципиальную грань, отделявшую Чехова как демократического художника от творца социалистической литературы М. Горького» [34, с. 87]. Именно поэтому в разделе «Указатель литературы» своего «Семинария» Б.И. Александров рекомендует пользоваться в первую очередь дополненным изданием 1954 г., либо штудировать любые более ранние варианты – но начиная со второго (1949 г.) [34, с. 99]. В любом случае монография В.В. Ермилова быстро стала наиболее авторитетным советским источником по жизни и творчеству А.П. Чехова. Безусловно, печать этого авторитета лежала и на библиографическом указателе, который завершал все издания чеховской биографии (за исключением версий 1953 и 1954 гг.). Что в этих библиографических рекомендациях мог найти заинтересованный читатель?

В.В. Ермилов в разделе «Биографии» из дореволюционного чеховедческого наследия рекомендовал упоминавшуюся нами книгу А.А. Измайлова, а также работы Ю.В. Соболева, А.Б. Дермана и А.И. Роскина. С трактовками общественных взглядов А.П. Чехова, предложенными Ю.В. Соболевым и А.Б. Дерманом, к слову, В.В. Ермилов полемизировал. В разделе «Воспомина-

ния» из девяти источников только два – из дооктябрьского наследия (мемуары И.А. Бунина и подборка, составленная Л.А. Сулержицким). В разделе «Статьи и исследования» дореволюционный текст – один (из 19), что несколько уравнивается разделом «Сборники, посвященные Чехову», в котором соотношение до- и постреволюционного контента – 50-на-50 (суммарно – восемь сборников). Есть и раздел «Библиография», в котором все пять источников напечатаны после 1925 г. Итого (разделы «Издания сочинений» и «Переписка» мы в общей статистике не учитываем, поскольку это не чеховедческая, а собственно чеховская литература) из 45 источников, посвященных жизни и творчеству А.П. Чехова, которые В.В. Ермилов предлагает в указателе, завершающем его монографию, только 8 были напечатаны до 1917 г. [35, с. 440–444] Указатель в переиздании 1949 был расширен: добавилось девять новых источников, в основном напечатанных после 1946 г. Таким образом, процентное соотношение между источниками до- и послереволюционными изменилось не в пользу дооктябрьского чеховедческого наследия [39, с. 435–439]. Библиография в третьем издании (1951 г.) относительно варианта 1949 г. прибавила в весе на 13 позиций: были, в частности, добавлены статьи А.П. Скафтымова, работы М.Е. Елизаровой, М.Л. Семановой, Г.П. Бердникова и т.д. [40, с. 424–430] разрыв между советскими и досоветскими рекомендуемыми текстами вновь увеличился. Однако, это вряд ли можно интерпретировать как принципиальный недостаток: да, читатель, который решил бы ознакомиться со всеми предложенными В.В. Ермиловым книгами и статьями, не получил бы наводок на работы дооктябрьской критики и, следовательно, не получил бы представления о трансформациях трактовок творчества и биографии А.П. Чехова, однако почти все лучшие достижения советского чеховедения нашли отражение в ермиловских библиографических указателях, которые от переиздания к переизданию пополнялись актуальными книгами и статьями. Многие эти книги и статьи (А.П. Скафтымова, А.В. Коротаева, М.Л. Семановой и т.д.) не потеряли научного значения и по сию пору, а потому ермиловские библиографии вполне можно рекомендовать и

современному массовому читателю в качестве ориентиров в объективно богатом раннесоветском чеховедческом наследии. Кроме того, процентное соотношение дореволюционного и постреволюционного чеховедческого наследия в библиографиях В.В. Ермилова в целом коррелирует с аналогичным соотношением других указателей 1940-х – начала 1950-х гг. Например, в указателе, составленном П.Ф. Прушак, из 61 источника (подчеркиваем, что и в этом, и в следующем случае выносим за скобки издания сочинений и писем А.П. Чехова) 7 – дореволюционных, которые составляют 11% от общего количества перечисленных в указателе книг и статей [17, с. 17–29]. В указателе под редакцией Н.Л. Бродского 115 «позиций» (употребляем это слово, потому что некоторые источники повторяются в зависимости от темы раздела), из которых 18 – тексты, изданные до 1917 г. [18, с. 25–49]. Отдельно также стоит упомянуть «случаи» В.В. Воровского и М. Горького – их мы всегда вносим в статистику советских источников, отказываясь от хронологических мотивировок в пользу мотивировок идеологических: с учетом трактовок статей того и другого, даже написанных и до революции, они позиционировались и воспринимались массами именно как тексты советского литературоведения (в противном случае придется уравнивать в восприятии критики и читателей статьи В.В. Воровского и, например, книгу А.А. Измайлова, что будет некорректно). Итак, соотношение источников в указателе Н.Л. Бродского было таким: 85% – советские работы, 15% – дореволюционные. У В.В. Ермилова наблюдаем ту же «рекомендательную» процентовку: в указателе из биографии А.П. Чехова издания 1946 г. соотношение 82% и 17%, в издании 1949 г. – 86% и 14%, в издании 1951 г. – 88% и 12% (советская составляющая ермиловских рекомендаций, напомним, расширилась в основном за счет чеховедческих новинок, которые выходили из печати между переизданиями книги В.В. Ермилова). Кроме того, дореволюционные тексты в основном повторяются от указателя к указателю, почти везде это статьи Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Ф.Д. Батюшкова, сборник воспоминаний, составленный Л.А. Сулержицким и книга А.А. Измайлова, т.е. библиографии

1940-х гг. в целом совпадали не только в количественном, но и в качественном аспектах.

В указателях рекомендованной литературы 1950-х гг. закреплялось все, к чему шло чеховедение для более или менее широких читательских масс три предыдущих десятилетия. Основных нежелательных чеховедческих ветви, как мы убедились в связи с вышеизложенным, существовало две: дореволюционная «буржуазная» критика и послереволюционная вульгарно-социологическая. Первая вытеснялась из библиографий естественным путем, по мере приращения собственно советских чеховедческих исследований. Вторая не успела закрепиться в списках ввиду непродолжительного жизненного цикла и агрессивной кампании по развенчанию корифеев социологии искусства (см. выше пример критики В.М. Фриче в 1940 г. на страницах «Литературной газеты»). Вариантов дальнейшего обращения с развенчанным материалом было два: либо игнорирование, либо критическое упоминание. В небольшом библиографическом указателе Е.М. Сахаровой, например, нет ни дореволюционных работ, ни вульгарных постреволюционных [37, с. 57–67].

Э.А. Полоцкая также выбрала вариант, похожий на подход Е.М. Сахаровой, но с единичными критическими замечаниями. Так, в предисловии к указателю Э.А. Полоцкая упоминает об ошибках «вульгарно-социологического и компаративистского характера», содержащихся в работах Ю.В. Соболева и С.Д. Балухатого [38, с. 4]. А очерк об А.П. Чехове В.М. Фриче исследователь не рекомендует для изучения творчества писателя [38, с. 33]. Этими и несколькими другими замечаниями представлена в указателе Э.А. Полоцкой борьба с устаревшими социологическими концепциями. Дооктябрьские источники исчерпываются только двумя отрывками об А.П. Чехове из писем С. Шаумяна [38, с. 57]. Больше в библиографии нет ни одного упоминания более или менее знаковых дореволюционных статей – в списке рекомендаций отсутствует даже биографический набросок А.А. Измайлова, долгие годы кочевавший из указа-

теля в указатель с неизменным примечанием об устарелости общей концепции, но ценности отдельных аспектов книги.

Гораздо более полный указатель читатели могли найти в «Семинарии по Чехову» Б.И. Александрова. С чисто источниковедческой точки зрения, работа Б.И. Александрова – одна из самых информативных среди рассмотренных нами выше, при том что книга не является библиографическим указателем в строгом смысле этого слова, однако содержит как обзорную источниковедческую статью, так и рекомендации к каждой теме семинария. И статья, и рекомендации характеризуются усилением скептического отношения ко многим дореволюционным статьям и книгам. В большинстве указателей предыдущих десятилетий многие подобные источники не упоминались: у Б.И. Александрова дореволюционная база расширяется (упомянуты и А.А. Измайлов, и К. Арсеньев, и Н.К. Михайловский, и Д.С. Мережковский, и А.М. Скабичевский и многие другие критики), но зачастую сопровождается аннотациями об идеологии авторов и т.п. Например, в списке литературы к теме «Повесть “Степь” как первая обобщающая картина родины в творчестве Чехова» есть ремарка: «В целях критического ознакомления с оценками “Степи” буржуазной печатью можно указать следующие материалы...», после чего следует список из статей Н.К. Михайловского, Р.А. Дистерло и Л. Оболенского [34, с. 152]. Аналогичные целевые установки в библиографии к теме «Борьба за Чехова в критике эпохи первой русской революции»: «Для критики ложных оценок Чехова, дававшихся либеральной печатью» Б.И. Александров предлагает прочесть статьи А.М. Скабичевского и Ф.Д. Батюшкова, а «связь псевдомарксистской критики с либеральными оценками Чехова ясно видна» в статьях В.Л. Львова-Рогачевского и Л.И. Войтоловского [34, с. 258]. Таким образом, получая от Б.И. Александрова наводку на те или иные чеховедческие тексты, читатель получал наводку и на должное (в рамках марксистской исследовательской системы) критическое восприятие этих текстов.

Итак, в целом «суггестивный» механизм рекомендательных библиографических списков работал следующим образом: в дореволюционной, прижизненной писателю критике, А.П. Чехов представал в разнообразных (зависевших от политических и эстетических предпочтений конкретного критика) ипостасях: он был и импрессионистом, и пантеистом, и «певцом сумерек», и близким к охранительному лагерю (компрометировала дружба с А.С. Сувориным), и безыдейным писателем и т.д. В пореволюционной советской чеховиане (пусть не сразу, но взявшей курс на приведение трактовок к единому марксистскому знаменателю) от концепции «сумеречности» отказались, придя, в частности, к формуле «Чехов против чеховщины»; влияние А.С. Суворина стали описывать в позитивном ключе (как деструктивность, которую А.П. Чехов смог преодолеть); на методологическую вахту постепенно заступали идеи социального оптимизма и скрытой революционности писателя. На этой дороге не было места «либеральным», «народническим», «буржуазным» и прочим интерпретациям чеховского творчества – потому их читателям и не советовали. И именно это становилось одним из факторов создания литературной репутации А.П. Чехова в глазах советских читателей в 1920–1950-е гг. Если мы имеем пять книг, в которых писатель «Икс» охарактеризован как «социальный оптимист», и пять книг, в которых тот же писатель аттестуется как «социальный пессимист», но последние книги либо не рекомендуем, либо рекомендуем с оговорками об устарелости концепций, читающая публика рано или поздно начнет воспринимать писателя «Икс» как «социального оптимиста».

Впрочем, последняя аналогия лишь с долей метафоричности описывает общую схему формирования литературной репутации, реальный «рекомендательный А.П. Чехов» представал перед советскими читателями, руководствовавшимися советскими указателями чеховедческой литературы, гораздо более сложным, чем может показаться на первый взгляд. Библиографии, безусловно, различались от периода к периоду: указатели 1920-х и 1940-х гг. в этом плане не идентичны. Однако в целом нельзя утверждать, что рекомендации какого бы то

ни было десятилетия были однозначно неполными, однобокими или искажающими чеховский образ. Да, многие списки чеховедческой литературы 1920–1930-х гг. (в первую очередь масановская «Чеховиана») предлагали почти максимально широкий набор разнообразных источников без учета идеологической или политической позиции их авторов, а потому давали объемную полноценную историю чеховианы, к которой читатели 1940-х гг. могли приобщиться с бóльшим трудом, поскольку почти не встречали в указателях, например, статей Д.С. Мережковского или А.С. Суворина. Внимание составителей списков 1940–1950-х гг. к прижизненной А.П. Чехову критике было менее пристальным, чем к работам советских литературоведов (что, естественно, поскольку советское чеховедение постоянно прирастало и в количественном, и в качественном плане), но на общую картину, которая могла сложиться перед заинтересованным массовым читателем А.П. Чехова, это вряд ли влияло пагубно: если ермиловские работы, по сравнению со статьями все того же Д.С. Мережковского, представляли сопоставимую по уровню доказательности эссеистику, но только левого толка, то статьи А.П. Скафтымова, М.Л. Семановой, А.Г. Горнфельда и т.п. могли дать и давали читателям гораздо больше, чем солидная часть прижизненной писателю критики, в чем нетрудно убедиться, почитав любую современную крупную антологию этой критики. А потому любители отечественной словесности и творчества А.П. Чехова при должном изучении предлагаемых советскими библиографиями книг и статей о писателе получали о нем примерно такое же (в плане полноты и адекватности) представление, которое может получить любитель сегодняшней. Безусловно, имели место искажения идеологического порядка (после 1991 г. на смену идеологии приходит «мода» на те или иные темы и концепции, например, на «православного А.П. Чехова»), однако это неизбежный фактор литературной репутации А.П. Чехова в любую эпоху, и можно много спорить о том, какой концептуальный феномен, маркируемый как «А.П. Чехов» менее соотносим с оригиналом: социальный ли оптимист-революционер В.В. Ермилова, или закомплексованный эротоман Д. Рей-

филда (чья книга «Жизнь Антона Чехова» [41] в последние годы пользуется большой популярностью у читающих масс, и в коллективном сознании любителей благодаря грамотному маркетингу давно обрела статус «наиболее полной и правдивой» биографии писателя – статус, напомним, в свое время на длительный период закрепленный именно за исследованиями В.В. Ермилова). Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Список источников

1. Дерман А.Б. *Творческий портрет Чехова*. Москва: Мир; 1929.
2. Булгаков С.Н. *Чехов как мыслитель*. Киев: Издание книжного магазина С. И. Иванова; 1905.
3. Степанов М.М. *Религия Чехова*. Саратов: Электро-типография газеты «Волга»; 1913.
4. Масанов И.Ф. *Чеховиана. Вып. 1. Систематический указатель литературы о Чехове и его творчестве*. Москва: Государственная центральная книжная палата РСФСР; 1929.
5. Соболев Ю.В. *Чехов*. Москва: Федерация; 1930.
6. Соболев Ю.В. Чеховиана за 1917–1922 гг. *Печать и революция*. 1923; 7: 92–104.
7. Лейтнекер Е.Э. А.П. Чехов. К двадцатилетию со дня смерти. *Красная Карелия*. 1924; 19 июля (№ 164): 3.
8. Овсяннико-Куликовский Д.Н. *Собрание сочинений. Т. 5*. Москва: Госиздат; 1923.
9. Б.П. Что читать об А.П. Чехове. (К 25-летию со дня его смерти). *Красная газета*. 1929; 13 июля (№ 158): 6.
10. Что читать о Чехове. (К юбилею 1904–1929). *Ленинградская правда*. 1929; 14 июля (№ 159): 3.
11. Измайлов А.А. *Чехов. 1860–1904. Биографический набросок*. Москва: Типография т-ва И.Д. Сытина; 1916.
12. Львов-Рогачевский В.Л. *А.П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах*. Москва: Издательство т-ва «В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых»; 1923.
13. Луначарский А.В. *Критические этюды. (Русская литература)*. Ленинград: Губоно, 1925.
14. Балухатый С.Д. *Проблемы драматургического анализа. Чехов*. Ленинград: Academia; 1927.
15. Чехов М.П. *Антон Чехов и его сюжеты*. Москва: Типография «9-е января»; 1923.
16. Боцяновский В. Ф. Литература об А.П. Чехове. *Красная панорама*. 1929; 28: 20–21.
17. Прушак П.Ф. *А.П. Чехов. 1860–1904. Указатель литературы*. Москва: Государственное библиотечно-библиографическое издательство; 1940.
18. *А.П. Чехов. Рекомендательный указатель литературы и материалы для библиотек*. Москва: ГБЛ; 1945.
19. Дерман А.Б. *Антон Павлович Чехов. Критико-биографический очерк*. Москва: Гослитиздат, 1939.
20. Соболев Ю.В. *Чехов*. Москва: Журнально-газетное объединение; 1934.
21. И.Ч. А.П. Чехов. *Литература в школе*. 1937; 5: 93–95.

22. Роскин А.И. Биографический очерк. *А.П. Чехов. Избранные произведения*. М.: Детская литература; 1935. С. 3–54.
23. Коган П.С. *А.П. Чехов. Биографический очерк*. Москва, Ленинград: Московский рабочий; 1929.
24. Кольцов М.Е. Чехов без грима. *Правда*. 1928; 15 июля (№ 163): 6.
25. Балухатый С.Д. Записные книжки Чехова. *Литературная учеба*. 1934; 2: 49–64.
26. Балухатый С.Д. *Чехов драматург*. Ленинград: Гослитиздат; 1936.
27. Гофман В. Язык Чехова-драматурга. *Звезда*. 1935; 2: 216–240.
28. *Карл Маркс и Фридрих Энгельс об искусстве*. Москва: Сов. литература; 1933.
29. *Ленин о культуре и искусстве. Сборник*. Москва: Изогиз; 1938.
30. Львов-Рогачевский В.Л. *Новейшая русская литература*. Москва: Мир; 1927.
31. *А.П. Чехов. Классики в марксистском освещении*. Москва: Никитинские субботники; 1928.
32. Чехов и наше время. *Литературная газета*. 1940; 30 января (№ 6): 1.
33. Гринберг И.Л. В. Ермилов. «Чехов». *Знамя*. 1947; 2: 166–171.
34. Александров Б.И. *Семинарий по Чехову*. Москва: Учпедгиз; 1957.
35. Ермилов В.В. *Чехов*. Москва; Молодая гвардия; 1946.
36. Ермилов В.В. *Драматургия Чехова*. Москва: Сов. писатель; 1948.
37. Сахарова Е.М. *А.П. Чехов. 1860–1904. Памятка читателю и материалы в помощь библиотекарю*. Москва: ГБЛ; 1954.
38. Полоцкая Э.А. *Антон Павлович Чехов. Рекомендательный указатель литературы*. Москва: ГБЛ; 1955.
39. Ермилов В.В. *Антон Павлович Чехов. 1860–1904*. Москва: Молодая гвардия; 1949.
40. Ермилов В.В. *Антон Павлович Чехов. 1860–1904*. Москва: Молодая гвардия; 1951.
41. Рейфилд Д. *Жизнь Антона Чехова*. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус; 2014.

References

1. Derman A.B. *The portrait of Chekhov's creativeness*. Moscow: Mir; 1929. (In Russ.)
2. Bulgakov S.N. Chekhov as a thinker. Kiev: Izdanie knizhnogo magazina S.I. Ivanova; 1905. (In Russ.)
3. Stepanov M.M. Chekhov's religion. Saratov: Electro-tipogr.gazety "Volga" 1913. (In Russ.)
4. Masanov I.F. *Chekhoviana. Vol 1. Systematic index of literature about Chekhov and his works*. Moscow: Gosudarstvennaya tsentralnaya knizhnaya palata RSFSR; 1929. (In Russ.)
5. Sobolev Yu.V. *Chekhov*. Moscow: Federatsiya; 1930. (In Russ.)
6. Sobolev Yu.V. Chekhovian studies of 1917–1922s. *Pechat' I revoliutsiia*. 1923; 7: 92–104. (In Russ.)
7. Leitnekker E.A. A.P. Chekhov. On 20th anniversary of death. *Krasnaya Kareliya*. 1924; July 19 (№ 164): 3. (In Russ.)
8. Ovsyaniko-Kulikovskii D.N. *Selected works. V. 5*. Moscow: Gosizdat; 1923. (In Russ.)
9. B.P. What can you read on A.P. Chekhov. (On 25th anniversary of his death). *Krasnaya gazeta*. 1929; July 13 (№ 158): 6. (In Russ.)
10. What can you read on Chekhov. (Anniversary 1904–1929). *Leningradskaya pravda*. 1929; July 14 (№ 159): 3. (In Russ.)
11. Izmailov A.A. *Chekhov. 1860–1904. A Biographical Study*. Moscow: Tipografia t-va I.D. Sytina; 1916. (In Russ.)

12. Lvov-Rogachevsky V.L. *A.P. Chekhov in the memoirs of his contemporaries and in his letters*. Moscow: Izdatelstvot-va «V.V. Dumnov, nasl. br. Salaevykh»; 1923.
13. Lunacharskii A.V. *The critical articles. (Russian Literature)*. Leningrad: Gubono, 1925. (In Russ.)
14. Balukhaty S.D. *Problems of analysis of dramaturgy. Chekhov*. Leningrad: Academia; 1927. (In Russ.)
15. Chekhov M.P. *Anton Chekhov and his plots*. Moscow: Tipografiya «9-ejanvaria»; 1923. (In Russ.)
16. Botsyanovsky V.F. The literature on A.P. Chekhov. *Krasnaya panorama*. 1929; 28: 20–21. (In Russ.)
17. Prushkhak P.F. *A.P. Chekhov. 1860–1904 Literature index*. Moscow: Gosudarstvennoe bibliotечно-bibliograficheskoe izdatelstvo; 1940. (In Russ.)
18. *A.P. Chekhov. Recommendatory index of literature and sources for libraries*. Moscow: GBL; 1945. (In Russ.)
19. Derman A.B. *Anton Pavlovich Chekhov. A Critical and Biographical Study*. Moscow: Goslitizdat; 1939. (In Russ.)
20. Sobolev Yu.V. *Chekhov*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'yedineniye; 1934. (In Russ.)
21. I.Ch. A.P. Chekhov. *Literatura s shkole*. 1937; 5: 93–95. (In Russ.)
22. Roskin A.I. A Biographical Study. Chekhov A.P. Selected Works. M.: Detskaya literature; 1935. P. 3–54. (In Russ.)
23. Kogan P.S. *A.P. Chekhov. A Biographical Study*. Moscow, Leningrad: Moskovskiy rabochiy; 1929. (In Russ.)
24. Koltsov M.E. Chekhov without a makeup. *Pravda*. 1928; July 15 (№ 163): 6. (In Russ.)
25. Balukhaty S.D. Chekhov's notebooks. *Literaturnaya ucheba*. 1934; 2: 49–64. (In Russ.)
26. Balukhaty S.D. *Chekhov the dramatist*. Leningrad: Goslitizdat; 1936. (In Russ.)
27. Gofman V. The language of Chekhov the dramatist. *Zvezda*. 1935; 2: 216–240. (In Russ.)
28. *Karl Marx and Friedrich Engels on Art*. Moscow: Sov. literatura, 1933. (In Russ.)
29. *Lenin on Culture and Art. Сборник*. Moscow: Izogiz, 1938. (In Russ.)
30. Lvov-Rogachevsky V.L. *The latest Russian literature*. Moscow: Mir; 1927. (In Russ.)
31. *A.P. Chekhov. The Russian Classics in Marxist views*. Moscow: Nikitinskie subbotniki; 1928. (In Russ.)
32. Chekhov and our time. *Literaturnaya gazeta*. 1940; Jan. 30 (№ 6): 1. (In Russ.)
33. Grinberg I.L.V. Ermilov. «Chekhov». *Znamia*. 1947; 2: 166–171. (In Russ.)
34. Alexandrov B.I. *Seminar on Chekhov*. Moscow: Uchpedgiz; 1957.
35. Ermilov V.V. *Chekhov*. Moscow: Molodaya gvardiya; 1946. (In Russ.)
36. Ermilov V.V. *Chekhov's dramaturgy*. Moscow: Sov. pisatel'; 1948. (In Russ.)
37. Sakharova E.M. *A.P. Chekhov. 1860–1904. Memo to the readers and materials to help the librarians*. Moscow: GBL; 1954. (In Russ.)
38. Polotskaya E.A. *Anton Pavlovich Chekhov. Recommended index of literature*. Moscow: GBL; 1955. (In Russ.)
39. Ermilov V.V. *Anton Pavlovich Chekhov. 1860–1904*. Moscow: Molodaya gvardiya; 1949. (In Russ.)
40. Ermilov V.V. *Anton Pavlovich Chekhov. 1860–1904*. Moscow: Molodaya gvardiya; 1951. (In Russ.)
41. Rayfield D. *Anton Chekhov: a life*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus; 2014. (In Russ.)

Автор публикации

Зайцев Виктор Сергеевич –
кандидат культурологии,
младший научный сотрудник
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: vik.zaytsev2014@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 05.09.2022
Одобрена после рецензирования: 10.09.2022
Принята к публикации: 12.09.2022
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Zaitsev Viktor Sergeevich –
PhD in Culturology, Researcher
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
Email: vik.zaytsev2014@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 05.09.2022
Approved after peer reviewing: 10.09.2022
Accepted for publication: 12.09.2022
The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.